

А. Мефодиев

ЛИЛИТ

Алексей Мефодиев
Лилит (сборник)

«Летний сад»

2010

ББК 84(2Рос=Рус)6

Мефодиев А.

Лилит (сборник) / А. Мефодиев — «Летний сад», 2010

ISBN 978-5-98712-047-7

Художественные произведения повествуют читателю о красочных перипетиях судеб героев нашего времени. Образы, взятые из реальной жизни, вызывают острый интерес. Непредсказуемые сюжеты, затрагивающие социальные и нравственные аспекты, интригуют, позволяют взглянуть на обыденность с самой неожиданной стороны, давая читателю богатую пищу для размышлений. В чем кроются причины поступков героев захватывающих рассказов? Какие ловушки готовит им судьба? Чем обернутся для них обстоятельства, уготованные жизнью? Ответы на эти вопросы читатель найдет, перелистывая страницу за страницей книг, представленных на сайте. Легкий слог и образный язык произведений позволяет «на одном дыхании» перечитывать рассказы Мефодиева.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98712-047-7

© Мефодиев А., 2010

© Летний сад, 2010

Содержание

Лилит	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Мефодиев

Лилит

© А. Мефодиев, 2010

© «ПринтДизайн», оригинал-макет, оформление, 2010 г.

Лилит

Охота пуще неволи

Она зашла к нему утром, в начале десятого. Кабинет Сергея Александровича Куликова наполнился ароматом ее духов, от чего голова у него пошла кругом.

Вообще-то, не далее как накануне он твердо решил порвать эту связь в самом ее зародыше. Он собирался поговорить с ней и объяснить всю неуместность и вредность таких отношений на работе. Но вместо этого Куликов игриво повел бровью и с нотками флирта в голосе сказал:

– Присаживайтесь, Лилия Семеновна. Как прошел вечер?

– Вам ли не знать, Сергей Александрович, как прошел мой вечер? – улыбнулась в ответ Сукурова.

А прошлым вечером, когда все сотрудники разошлись, его новая заместительница Лилия Семеновна под каким-то предлогом заглянула к нему в кабинет. Кажется, она просила его что-то ей объяснить, и Куликов с готовностью откликнулся на ее просьбу. А потом...

Впрочем, это был уже второй случай, когда они виделись за пределами офиса. Первый раз это произошло неделей раньше. Хотя это и встречей-то нельзя было назвать. Они вместе возвращались после успешных переговоров. Куликов находился в хорошем расположении духа. Ехать им было далеко, пробки, а подходило обеденное время, и он предложил:

– Знаете что, Лилия Семеновна? Война войной, а обед по расписанию. Давайте где-нибудь пообедаем. Я знаю здесь недалеко один хороший ресторанчик.

Сукурова на него внимательно посмотрела, – ему тогда еще пришло в голову, что так смотрят на потенциальную дорогую покупку, – и кивнула головой. Он припарковался и, хлопнув дверью машины, уже направился к ресторану, когда заметил, что Сукурова не торопилась покидать автомобиль.

«Что она там сидит? Может быть, она хочет, чтобы ей открыли дверь, подали руку? Но ведь она его коллега. Уместно ли это будет?» – думал Куликов, топчась на месте. Сукурова оставалась в машине. Положение становилось нелепым. Наконец, Куликов открыл дверь и подал заместительнице руку. Она протянула ему в ответ свою. Это была тонкая ухоженная рука с безупречным маникюром. Изящные ногти ее немного загибались на концах, создавая отдаленное сходство с цепкой лапкой небольшой, но хищной птицы. Он неловко взял ее за запястье и слегка потянул на себя. Тут у нее подвернулась нога, и Сукурова, чтобы удержаться, сжала пальцы, слегка оцарапав его.

– Что это у тебя на руке? – спросила его тем же вечером Лариса.

– Что? Это? – рассеяно посмотрев на запястье, сказал Куликов и вдруг покраснел, хотя, в сущности, он не сделал ничего предосудительного. Ну подал руку женщине? Но ведь это же была элементарная вежливость. Не стоять же ему было дальше как истукану на тротуаре, ожидая, пока она сама выйдет из машины? А если бы она так и не вышла? А потом: ну зашел он в ресторан с коллегой? Не мог же он отправить ее в офис на общественном транспорте и обедать в одиночестве? Это было бы, по меньшей мере, просто глупо! Конечно же, Лариса не могла ожидать от него такого несуразного поведения. Она была образованная, современная молодая женщина. Тем не менее, Куликов соврал ей:

– Не знаю. Только что заметил. Поцарапался где-то, наверное.

В ресторане как-то сразу их беседа приняла непринужденный характер.

– Вы женаты? – поинтересовалась Сукурова.

– Можно сказать и так.

– То есть?

– Мы живем гражданским браком.

– Не любите, Сергей Александрович, обременять себя обязательствами? – улыбнулась Сукурова.

– Не в этом дело, Лилия Семеновна, – и Куликов сделал широкий жест рукой. – Просто мы современные люди, и я не думаю, что печать в паспорте так уж много значит. Если люди хотят жить вместе, то живут, а если не хотят, то никакая печать их не удержит. К тому же детей у нас пока нет, – зачем-то добавил Куликов, хотя об этом его никто не спрашивал.

– А чем занимаются Ваши родители? Я надеюсь, Сергей Александрович, что не перехожу границы дозволенного? Мне почему-то хотелось бы побольше узнать о Вас.

– Я не против, Лилия Семеновна, спрашивайте, что хотите, – игриво отвечал ей Куликов. – Родители мои на пенсии, живут в Подольске, где и я провел свою жизнь до поступления в институт.

– Что это у Вас, Сергей Александрович? – Сукурова неожиданно протянула руку к его виску, и Куликов ощутил легкий укол.

Она победоносно помахивала в воздухе его волоском.

– Не знала, что у Вас, Сергей Александрович, седые волосы есть! Такой красивый мужчина, Вам еще рано, – ее цепкие пальцы быстро скрутили волосок, и он исчез в ее кармане.

Тем же вечером Сергей Александрович долго тревожно разглядывал себя в зеркале, но признаков седых волос в своей шевелюре так и не обнаружил.

Но после этого невинного посещения ресторана Куликов в своих мыслях постоянно стал возвращаться к Сукуровой. Определенно, в ней было нечто притягательное, отличающее ее от остальных женщин.

И вот теперь она, многозначительно улыбаясь, говорит, что ему лучше знать, как она провела вечер! Хотя, что, собственно говоря, было такого накануне? Сукурова, как это частенько бывало в последнее время, попросила помочь ей в чем-то разобраться и засиделась у него в кабинете допоздна. Сотрудники отдела давно уже разошлись по домам. А Сергею Александровичу все не давали покоя ее ноги, слегка прикрытые юбкой выше колена, и он с увлечением продолжал свои пояснения. Потом пришла уборщица, и это почему-то смутило их обоих. Сукурова поблагодарила его и попрощалась. Сквозь стеклянные стены своего кабинета он видел, как она надела пальто и вышла. Куликов бросил взгляд на часы – было начало девятого! Как это он не заметил, который час. Лариса не любила, когда он задерживался без предупреждения. Куликов торопливо надел пальто и скорым шагом вышел из кабинета. Но, выезжая с парковки, он заметил Сукуруву. Она ловила такси.

Куликов никогда не подвозил своих сотрудниц. Он вообще придерживался принципа: никаких «порочащих» связей на службе. Но проехать мимо Лилии Семеновны ему показалось невежливым. К тому же Куликов имел склонность к благородным поступкам особенно, когда они не требовали чрезмерных жертв. Он взял резко вправо и остановился у тротуара.

– Подвезете, Сергей Александрович? – задорно спросила Сукурова, заглядывая внутрь его машины через открытое окно.

– Конечно, садитесь, Лилия Семеновна. А где Вы живете?

Оказалось, что его заместительница жила на противоположном конце города, на Алтуфьевском шоссе.

«Надо бы предупредить Ларису, что я задерживаюсь», – подумал Куликов. Но присутствие Сукуровой смущало его, и он не стал звонить домой.

– Какую музыку предпочитаете? – поинтересовался Куликов.

– А что у Вас есть?

– Я люблю классику, – и Куликов, пытаюсь произвести положительное впечатление, прибавил громкости. Божественный голос Марии Каллас полился из динамиков автомобиля.

– Я люблю на русском языке, – помолчав, сказала Сукурова.

«Какое странное определение», – подумал Куликов и убавил громкость.

– Вы не водите машину?

– Нет, не вожу.

– Почему?

– У меня астигматизм.

Они подъехали к ее дому, но Сукурова не торопилась выходить из машины. Сергей Александрович поймал себя на мысли, что ему и не хочется, чтобы она выходила. В сумерках мартовского вечера он наслаждался ее профилем. Впервые он осознал, что она дьявольски красива. Тогда Куликов медленно приблизился к ней и осторожно прижался губами к ее щеке. Он не был уверен в ее реакции. Как она отреагирует на это? Но Сукурова оставалась сидеть в том же положении, молча глядя перед собой. Тогда он поцеловал ее в губы. Они оказались теплыми и податливыми. Когда он оторвался от нее, их глаза встретились. В ее взгляде отразилась затаенная страсть. Тогда Куликов просунул руку ей под пальто и почувствовал, как бьется ее сердце.

– Все, Сергей Александрович. Вам пора, Вас гражданская жена ждет давно, – зашептала она горячими губами.

– Никто меня особенно не ждет, Лилия Семеновна, – забормотал он, снова ища ее губ.

– Ждет, ждет. Вам пора, – отстраняясь от него, шептала она.

Но Сергей Александрович разошелся не на шутку.

– Все, все, все, – она выскользнула из его объятий и, шепнув на прощанье «до завтра, Сергей Александрович», неторопливо пошла к своему дому.

Вот, собственно говоря, и все! Ничего особенного не произошло. Ему бы следовало так и ответить ей. Но вместо этого, Куликов с нотками флирта в голосе спросил:

– Откуда же мне знать, Лилия Семеновна, как Вы проводите свои вечера?

Во время этого непродолжительного диалога он неотрывно смотрел в ее темные глаза, которые говорили ему: «Да, Сергей Александрович, у нас с Вами теперь есть общая тайна, и это нам обоим очень нравится».

– Уж не знаю, Сергей Александрович, откуда Вам знать, но я думаю, что с начальственного кресла виднее, – с расстановкой произнесла Сукурова. Потом она оглянулась, посмотрела сквозь стеклянную стену на сотрудников отдела, как будто проверяя, не слышит ли ее случайно кто-нибудь, и тихо добавила:

– Вам понравилось со мной вчера?

«Что за чушь она несет? Что понравилось? Мы же только-то и поцеловались пару раз? Какой-то нелепый разговор», – вертелось в сознании у Куликова.

– Понравилось, – тем не менее, произнес он осипшим от волнения голосом и потом выпалил:

– Кстати, что Вы сегодня делаете вечером?

– Сегодня вечером? – протянула Сукурова интригуяще. – А зачем Вам это знать, Сергей Александрович?

– Да так, думал пригласить Вас поужинать куда-нибудь, – и Куликов подмигнул ей лукаво.

– Вы желаете пригласить свою подчиненную на ужин? Не кажется ли Вам такое поведение немного странным, даже, я бы сказала, предосудительным? К чему Вы меня, беззащитную женщину, склоняете? – вызывающе глядя на него своими распутными глазами, тихим голосом сказала Сукурова.

«Вон она куда клонит! – забеспокоился Куликов. – Черт его знает, что от нее можно ожидать. Я же ее совсем не знаю. Ах, не надо бы этих связей на работе, не надо! Еще пойдет в службу кадров и заявит, что ее начальник к сожительству склоняет? Но и в грязь лицом ударить нельзя. А то потом веревки вить из меня будет».

– Да нет, я ничего, собственно говоря. Даже не знаю, что Вы, Лилия Семеновна, подумали. Я полагал, что мы просто не успели вчера закончить обсуждение одного рабочего вопроса, – приняв официальный тон и насупившись, сказал Куликов.

«Ну и хорошо, что все само собой закончилось. И слава богу. Гора с плеч. И не надо теперь самому затевать неприятный разговор», – подумал он и шумно выдохнул.

– Аааа, рабочего вопроса. Вот что Вы имеете в виду, Сергей Александрович. Но это же совсем другое дело. Я думаю, это можно будет осуществить на следующей неделе. Я смогу выкроить вечер для такого мужчины, – опять вернула в прежнее игривое русло разговор Сукурова. Темные глаза ее призывно загорелись теплым светом.

Мысль о ее доступности вновь пробудила сладкое томление в его груди. Куликов вспомнил, как долго ворочался этой ночью, думая о глазах, губах и груди этой необычной женщины. О ее профиле в синих морозных мартовских сумерках.

– Только на следующей неделе?

– Боюсь, раньше не получится, – с волнением сказала Сукурова.

– Что ж, будет трудно, но я дождусь. А в какой день? – приобретая былую уверенность, быстро осведомился Куликов. Он, вообще, все в жизни делал быстро, из-за чего порой совершал недальновидные поступки.

Сукурова задумалась. Она, напротив, как опытный охотник, уверенный в безупречности своих силков, казалось, никуда и никогда не спешила.

– Я думаю, у меня получится в среду. Игорь как раз поедет к своей маме, – сказала она, когда Куликов уже начал терять терпение.

Сергей Александрович Куликов часто ловил себя на мысли, что если бы его попросили описать ее лицо, то он бы толком не смог этого сделать. Он рассказал бы, какого она роста, описал бы ее фигуру и прическу. Но вот само лицо ее, за исключением, пожалуй, губ, всегда удивительным образом ускользало из его цепкой памяти. А между тем, она уже давно заполнила собою всю его жизнь без остатка.

Вообще-то, любая человеческая жизнь всегда представлялась Сергею Александровичу в виде сосуда, который каждый заполняет по своему усмотрению.

Многие не знают толком, как лучше распорядиться ею. Так, одни заполняют ее пьяными кутежами и наркотиками, другие – азартными играми, а есть и такие, которые, не понимая, чего хотят от жизни, хватаются то за одно, то за другое, так и не достигая никаких результатов. Встречаются, разумеется, люди, которые и рады бы наполнить свою жизнь чем-то интересным и значительным, но не имеют таких возможностей. У кого здоровье слабовато, у кого родители не вышли, кому-то просто хронически не везет, да мало ли чего плохого в жизни случается!

У Сергея же Александровича с юности все было педантично разложено по полочкам. Всему-то он придавал соответствующую степень важности. Такой ранжир здорово упрощал ему жизнь, позволяя с чем-то, входящим в его жизнь, быстро соглашаться, а что-то отметить без лишних раздумий и сожалений.

На первом месте у него была карьера. Сергей Александрович был очень честолюбив и намеревался достигнуть на этом поприще больших высот. Он полагал, что если его карьера будет складываться благополучно, то все остальное – деньги, достойное место в обществе, семья, дети – приложится само собой. Рядом с карьерой в сосуде жизни разместилось здоровье, которому он всегда уделял большое внимание. Он никогда не курил, не пробовал наркотиков и не злоупотреблял спиртным, считая все это проявлениями слабости человеческой натуры.

Далее шли различные хобби, увлечения и развлечения, куда он также относил свои отношения с противоположным полом, и на которые он всегда смотрел как на забавные и необременительные приключения. Куликов пользовался успехом у слабого пола. Сам же при этом он никогда сильно никем не увлекался и в глубине своей души на женщин смотрел свысока.

Особенное место в иерархии построения его бытия занимала будущая семья, все условия для образования которой как раз созрели. Он почти год жил гражданским браком с Ларисой, с которой после своего недавнего повышения по службе планировал вступить в законный брак и завести детей. Да и возраст был подходящий. Ему недавно перевалило за тридцать. Куликов был волевым и целеустремленным человеком и никогда не допускал, чтобы основные составляющие его жизни менялись местами по значимости.

В первый раз он увидел Сукурову в кабинете своего непосредственного начальника Буренкова. Это было в середине зимы. Куликов только вышел после новогоднего отпуска. Они с Ларисой ездили нырять с аквалангом в Египет. Сейчас то время казалось ему чем-то чистым, беззаботным и очень далеким. Хотя с тех пор прошло всего ничего: каких-нибудь пару месяцев.

В то утро новоиспеченный начальник отдела энергичным шагом вошел в свой новый кабинет, повесил пальто, любовно провел рукой по благородной поверхности своего нового письменного стола, крутанул добротное кожаное кресло. Все! Больше ему не надо будет ютиться за маленьким дешевым столиком, с трудом помещаясь на неудобном креслице с тряпичной обивкой. К этому кабинету он шел несколько лет и не зря. Отсюда все видится по-другому. Отсюда открываются совершенно иные карьерные перспективы. Сквозь прозрачные стены Куликов окинул взглядом свои владения. Концепция единого офисного пространства в действии! Его подчиненные общей численностью в пятнадцать человек были у него как на ладони. Все они, включая двух его заместителей, старательно делали вид, что трудятся. Сергей знал, что это не так, но его это не смущало. Так уж было заведено. Он сел в кресло, положил ноги на стол и снова удовлетворенно посмотрел вокруг. Затем Куликов нажал заветную кнопку «секретарь» внутренней связи.

– Слушаю Вас, Сергей Александрович, – раздался любезный голос секретарши Наташи.

– Наташа, сделайте мне, пожалуйста, чашечку кофе. Со сливками.

– Хорошо, Сергей Александрович, – ответила Наташа и отправилась делать для него кофе.

Это было тоже новое в его жизни. До этого он кофе делал себе сам.

Раздался звонок. На телефонном дисплее отразилась фамилия «Буренков». Куликов снял трубку и услышал приветливый голос шефа:

– Сергей, привет. На месте? Загляни ко мне.

– Иду, Петр Иванович, – ответил Куликов и ретиво встал с кресла.

В приемной как всегда царила давящая тишина. Неопределенного возраста секретарша Анастасия Ивановна недовольно посмотрела вверх очков на вновь вошедшего. В приемной находились еще два посетителя. У них был слегка виноватый вид, как у нашкодивших подростков, смиренно ожидающих справедливого наказания от своего строгого воспитателя.

Но Сергей относил себя к новому поколению молодых профессионалов, которым не к лицу ронять свое достоинство. Широко улыбаясь, он твердым шагом пересек приемную, кивнул головой Анастасии Ивановне и взялся за ручку двери кабинета своего начальника.

– Он занят... – ядовито сказала секретарша. Она не любила Куликова, как, впрочем, и остальных нижестоящих сотрудников своего шефа. Тем более что многие из них с ней заискивали, тем самым еще более укрепляя ее чувство собственной значимости.

– Он меня вызывал, – небрежно бросил Куликов и вошел в кабинет шефа.

Там, в тишине толстых стен – игры в единое офисное пространство на этот уровень руководства уже не распространялись – он увидел лысую голову, которая склонилась над письменным столом.

– Добрый день, Петр Иванович, – бодро сказал Сергей, чеканя каждое слово. Он давно усвоил, что Буренков не любит, когда ему, изображая лояльность, подобострастно мямят что-то неразборчивое, но приветствует ясное и краткое изложение сути.

– Сергей, привет. Садись. Как тебе на новом месте? Осваиваешься?

– Спасибо, все нормально, Петр Иванович.

– Ну вот и хорошо. Да ты садись, – и он указал на кресло, стоявшее перед его столом.

Куликов сел.

– Слушай, – продолжал Буренков, – тут есть одна женщина, ее надо бы к тебе в отдел взять.

– Какая женщина? – насторожился Куликов. Ему не хотелось иметь в подчинении слабоуправляемых людей.

– Нормальная женщина.

– Но у меня вакансий нет, – мотивированно сопротивлялся новоиспеченный начальник отдела.

– Это не проблема, Сергей. Ладно, скажу тебе, чтобы яснее было. За нее Якунин очень просил. Она будет третьим твоим замом. Подумай сам, что ей поручить. И знаешь что, будь с ней поласковее.

Это сообразительному Куликову объяснять было не надо. Игорь Геннадьевич Якунин был влиятельной фигурой в их конторе. Значит, все было уже решено, и сопротивляться бесполезно.

– Понятно, – коротко ответил он.

– Анастасия Ивановна, Сукурова подошла? – спросил по внутренней связи Буренков.

– Да, Петр Иванович, она уже ждет, – подобострастно ответила секретарша.

– Хорошо, пусть заходит.

В кабинет вошла женщина лет тридцати, на высоких каблуках, в облегающем платье бежевого цвета.

«Какая у нее хорошая фигура», – пришло на ум Куликову.

– Здравствуйте, Петр Иванович, – сказала она низким голосом.

– Присаживайтесь, Лилия Семеновна, – и он указал рукой на второе кресло, стоявшее перед его столом. Она села, поправила рукой челку черных как крыло ворона волос и изучающим взглядом посмотрела на Куликова.

Буренков коротко представил их друг другу и пожелал успешной совместной деятельности. Сукурова пошла в «кадры» оформлять последние документы, а Куликов вернулся на свое рабочее место. С тех пор прошло два месяца.

Договорившись о своем первом свидании с Сукуровой, Куликов пришел в хорошее расположение духа и отправился на обед со своим давним приятелем, начальником одного из отделов в их управлении. Они были друзьями уже много лет и часто ходили в обеденный перерыв в ресторанчик по соседству с их офисом.

Разговор шел о разных пустяках, а когда подали кофе, Константин спросил:

– Как тебе, кстати, твоя новая заместительница?

Сердце Куликова забилося учащенно, как если бы его коллега тоже претендовал на Лилию Семеновну.

– Какая? Сукурова, что ли? – пытаясь скрыть охватившее его волнение, переспросил Куликов.

– Ну да, у тебя же одна заместительница – остальные мужики, – ухмыльнулся Константин.

– Конечно, конечно, просто сразу что-то не подумал. Вроде нормально все, претензий к ней никаких. А что?

– Сейчас расскажу тебе историю, вот что. Только без передачи...

– Разумеется, Константин, у нас все всегда без передачи. Знаем же друг друга сто лет! – сказал Куликов, а сам замер в нервном ожидании.

– Так вот. На прошлой неделе раздается звонок по внутренней связи. Я снимаю трубку: Сукурова. Можно, говорит, к Вам зайти по одному служебному делу? Я, естественно, не возражаю. Она заходит и, ссылаясь на то, что она в нашей работе новичок, просит помочь разобраться в специфике моего отдела. Я, правда, не совсем понял, зачем ей это, но она что-то наплела, и я битых полчаса распинался о премудростях нашего дела. Она внимательно слушала, а потом, сославшись на то, что время обеденное, предложила продолжить в ресторанчике. Барышня, надо сказать, она фактурная.

При этих словах приятеля Куликов поморщился. Ему было досадно, что кто-то еще в фамильярной манере позволяет себе говорить о достоинствах Сукуровой. А его коллега тем временем бесхитростно продолжал:

– В ресторане мы разговорились на прочие темы. Она была подчеркнуто вежлива и корректна, обращалась только на «Вы». А когда мы неспешно возвращались пешком в офис, она возьми да спроси: «Ну что, Константин Романович, спать со мной будете?» Прикинь?! Я, откровенно говоря, просто обомлел. До этого случая я ее видел-то всего раз пять. Так, знаешь, в коридоре да на совещаниях у Буренкова встречались, – и он замолчал.

Куликов почувствовал, как кровь пульсирует у него в висках. Он оценивающе посмотрел на своего приятеля – рыжий, рыхлый и в очках, разве что рослый. И что она в нем нашла?

– А ты что? – стараясь казаться безразличным, выдал из себя Куликов.

– А ты как думаешь, Серега? Барышня она фактурная...

«И чего он привязался к этому похабному словечку!» – раздраженно подумал Куликов.

– Ты бы как отреагировал? – засмеялся его друг.

Вместо ответа, Куликов криво улыбнулся и развел руками. Он так разволновался, что голос мог легко выдать его состояние.

– Ну вот и я тоже. Согласился, конечно... – Она таинственно улыбнулась и сказала, что сама мне позвонит.

– Ну и?

– Пока не звонила.

– А у нее, к слову сказать, муж имеется. Якунин, – мрачно сказал Куликов.

– Я слышал, что он не муж ей, да и какое это имеет значение. Ты мне лучше скажи, что она собой представляет? – спросил Константин.

– Женщина, как женщина. Работает, вроде бы, неплохо. А так не знаю.

Весь остаток дня он думал об этом разговоре. Мысли о ее беспутстве возбуждающе действовали на Куликова. Но в то же время он чувствовал себя уязвленным. Получалось, что он, Куликов, для нее не так уж много и значит. Но он не мог в это поверить. А может быть, она над ним просто насмехается? Но зачем? И что она нашла в Константине? Она хочет параллельно с двумя? Она шлюха? Тогда нечего с ней связываться. И уже поздней ночью, лежа в кровати у себя дома, он твердо сказал себе, что никуда в среду вечером не пойдет и выкинет ее из головы.

Однако уже вечером следующего дня он под каким-то предлогом зашел к Константину и на всякий случай осведомился, не звонила ли ему Сукурова. Оказалось, что нет, не звонила. Не позвонила она ему и в последующие дни. И Куликову пришлось в голову, что Константин, пытаясь преувеличить свои достижения на женском фронте, просто соврал ему.

Все последующие дни Сукурова вела себя так, как будто их объединяли только профессиональные отношения. Куликов даже стал беспокоиться, не забыла ли она об их договоренности.

Наступила заветная среда, но Сукурова с утра в офисе не появилась. Вместо этого она позвонила ему в середине дня и официальным тоном попросила об отгуле по семейным обстоятельствам.

Куликов почувствовал себя униженным. Какой отгул? А она помнит, что они договаривались на сегодняшний вечер? Он ждал этого целую неделю! Однако Куликов не стал показывать ей, как больно она его задела и, собрав волю в кулак, безразличным тоном сказал:

– Конечно, Лилия Семеновна. Никаких проблем.

Потом он, не дожидаясь, что она скажет, повесил трубку. После этого его охватили сомнения, правильно ли он поступил. Может быть, Сукурова хотела ему что-то сказать? Может быть, она собиралась сообщить ему место и время их встречи? А он, грубо бросив трубку, этим испортил все дело, даже обидел ее? Несколько раз он собирался позвонить ей, но сомнения не давали ему это сделать.

Тем же вечером он от нечего делать заглянул к Константину, но того не оказалось на месте! Хуже того, выяснилось, что он тоже взял отгул. Что же это получалось? Она все же позвонила Константину! И сейчас, когда он, Куликов, наивно рассчитывает на встречу с ней, они проводят время в любовных утехах. Возможно, она даже в эту самую минуту рассказывает Константину о том, как Куликов неуклюже, как подросток, полез к ней, замужней женщине, под пальто. И сейчас они, лежа в постели, смеются над тем, как смешон он был, приставая к ней с романтическими поцелуями!

Сидя в пробке по дороге домой, Куликов нашел в себе силы вернуть ход своих мыслей в рациональное русло: «И что я так распереживался? Прямо страдания юного Вертера какие-то. Тридцати летний, солидный мужчина в любовь поиграть вздумал. Да и зачем мне это? Она, в конце концов, замужняя женщина! Или кто там ей этот Якунин? Пусть он и переживает. А мне до этого не должно быть совсем никакого дела. И пошла она к чертовой матери. Больше никаких двусмысленных бесед с ней вести не буду – только рабочие отношения». С этими праведными мыслями в голове он вошел в свою квартиру.

Услышав звук открываемой двери, Лариса выбежала его встречать. Это была миниатюрная блондинка с пухлыми губами и вздернутым симпатичным носиком. Волосы ее были собраны в пучок. Но даже такая простая прическа не могла испортить ее природной красоты. В свое время Куликову пришлось немало постараться, чтобы завладеть ее сердцем. Еще год назад она встречалась с его близким другом Давыдовым. И хотя тот всегда уверял, что не имеет на Ларису серьезных видов, с тех пор их дружба почему-то сошла на нет. Все трое трудились в одном здании, но в разных департаментах. Занимала Лариса незначительную должность, да и не стремилась к большим карьерным достижениям. Ее отец, бизнесмен средней руки, и так исполнял любые ее желания, и она легко смотрела на вещи. Куликов же, родители-пенсионеры которого сами нуждались в материальной поддержке, напротив, ко всему в жизни относился очень серьезно. К тому же был он по натуре мнителен, хотя и тщательно скрывал это свое качество от других, находя его постыдным. В последнее время его начало беспокоить, что Лариса, не в пример большинству женщин, никогда не заводила с ним разговор о замужестве. Правда, сам-то он тоже не спешил жениться. Но то, что его когда-то радовало, теперь стало тревожить. И вот, после его назначения, во время их отпуска в Египте Лариса согласилась выйти за него замуж, как только забеременеет.

– Отгадай, что? – пропела Лариса.

– Что же? – переняв ее веселый настрой, улыбнулся в ответ Куликов. Он на время забыл о Лилии Семеновне и всех своих тревогах, с нею связанных.

– Нет, ты! Ты! Отгадывай!

– Ну не знаю!

– У нас будет ребенок! Я беременна!

Он взял ее на руки и, хохоча от радости, завертел вокруг себя.

– Дурачок, отпусти, мне теперь нельзя, – пищала Лариса.

– Пойдем в ресторан, отметим!

В ресторане они пили шампанское, хохотали, веселились. И Куликов спросил:

– Когда поедем в ЗАГС?

– Ты же мужчина, ты и предлагай, – засмеялась Лариса.

– Тогда на следующей неделе. С делами разгребусь только. А пока все узнаю, что, куда.

От радости Куликов не мог заснуть до трех часов ночи и на работу приехал немного осунувшийся.

Первый звонок с утра он получил от Сукуровой.

– К Вам можно, Сергей Александрович? – спросила она печально.

На ней практически не было косметики, а лицо ее отражало страдания, которые честолюбивый Куликов тут же принял на свой счет.

Пусть знает, кого потеряла! Да только поздно уже! Он молча подписал какие-то документы и зачем-то поинтересовался:

– Вы неважно выглядите, Лилия Семеновна. У Вас что-нибудь случилось?

– Вы тоже неважно выглядите, Сергей Александрович, – с нотками сожаления заметила она, как говорят о чем-то дорогом, но уже давно и безвозвратно утерянном.

– У меня все в порядке, просто поздно заснул, – поспешил он с ответом.

«Не надо бы разговаривать с ней на личные темы!» – невольно пришло ему в голову.

– А у меня вот не все в порядке, – ее взгляд молил о помощи. Как мы уже знаем, Куликов считал себя благородным человеком. В связи с этим он рассудил, что должен быть выше и сильнее обстоятельств. Он не может пройти мимо страдания других, как бы они не вели себя с ним перед этим.

Начальник – это еще и защитник своих подчиненных. И ничего страшного не произойдет, если он, как чуткий руководитель, поинтересуется, чем живут его сотрудники. Иначе ему просто сложно будет управлять своим штатом.

– Что же у Вас случилось, Лилия Семеновна?

– Понимаете, у меня сложилась очень сложная ситуация. Вы человек мудрый, Сергей Александрович...

– Нууу, – покраснел от удовольствия новоиспеченный начальник отдела.

– Не спорьте, не спорьте. Конечно, Вы мудрый. Посмотрите, как Вас слушаются Ваши подчиненные. Одно Ваше слово, и любой, я подчеркиваю, любой из них сделает все, что только Вам будет угодно. А Вы ведь еще совсем молоды. Поверьте мне, такое не часто встречается в жизни. Я слышала, у Вас красивая любящая жена, – она смиренно смотрела в пол. – Ну да ладно, я совсем не об этом хотела говорить. Я хотела бы попросить Вас о совете.

– Даже и не знаю, могу ли я... – Куликов почувствовал, что ему очень хочется услышать о личной жизни Сукуровой.

– Что же тут знать? Просто я прошу Вас выслушать меня, да и только. Согласны Вы на это?

– Ну, хорошо, хорошо, – смягчился Куликов. Он встал и закрыл дверь своего кабинета.

– Я только боюсь, что здесь не очень подходящее место для этого разговора. Подчиненные все видят через прозрачные стекла Вашего кабинета.

Куликов уже хотел сказать, что ничего они не слышат, но, посмотрев в смиренные глаза Сукуровой, он сказал:

– Хорошо, давайте пообедаем вместе. В ресторане нас никто не услышит.

– Я не могу в обед. Вы же знаете, у меня очень много Ваших заданий накопилось со вчерашнего дня...

– Не волнуйтесь, я перенесу срок исполнения документов.

– Ну что Вы, я так не могу. Об этом узнают, и Вы тем самым подорвете свой авторитет. Ведь Вы же никогда не изменяете своих решений, я знаю. Я хотела бы просить о Вашем времени сразу после шести? Совсем не обязательно приглашать меня в кафе – это не тот случай. Можно просто поговорить у Вас в машине. Я не займу более десяти минут Вашего времени.

На самом деле Куликов не был чрезмерно занятым человеком. Он редко засиживался после шести часов в своем кабинете, куда частенько приезжал с небольшим опозданием. Но правдой было то, что он действительно старательно поддерживал имидж занятого человека среди своих знакомых. И признание этого другими было ему всегда приятно, как приятно ему было и то, что его относят к решительным людям.

Сукурова попросила его отъехать за два квартала от их офиса, что он и сделал, выйдя ровно в шесть, как они и договорились. Он сидел и ждал в машине битых полчаса. Она выбрала довольно странное место. Мимо него проходили его сотрудники и с интересом кивали ему головой. Рядом с ним могла запросто проехать Лариса! Однако раздражение его странным образом перемешивалось с желанием обладать Сукуровой и беспокойством, что она может не придти. И чем дольше он ее ждал, тем больше росла его тревога. Наконец, Сукурова неторопливо открыла дверь его машины и села. Куликов не поворачивал головы, пытаясь таким образом продемонстрировать свое недовольство. Однако она была рядом, и все его тревоги уже остались позади.

– Извините, пожалуйста, Сергей Александрович, что заставила Вас ждать. Но я ничего не могла поделать. Буренков вызвал и продержал у себя целых двадцать минут.

Куликов подумал, что это действительно была разумная причина. Он бы и сам поступил так же, если бы его вызвало начальство. Но зачем, спрашивается, она ходит к нему через его голову?

– Что ему от Вас надо, интересно знать? – сердито спросил он.

Сукурова объяснила, что интересовало его начальника и, словно читая его мысли, смиренно добавила:

– Он, конечно же, позвонил вначале Вам, но Вы уже уехали. Не сердитесь, прошу Вас, Сергей Александрович, мне сейчас и без того очень плохо. И давайте лучше отъедем куда-нибудь отсюда.

Ее рука нежно коснулась его запястья.

– Я думал, что у Вас только среда свободна, – съязвил Куликов.

– Теперь, боюсь, у меня все вечера свободными станут, – тихо ответила Сукурова.

Они переместились в один из переулков центра Москвы. Куликов припарковал машину и посмотрел на свою спутницу. С момента их утреннего разговора с ней произошли радикальные изменения. Она стала дьявольски красива! Изменилась и ее осанка. Она больше не сутулилась, как у него в кабинете.

– Вы что, в рабочее время салон красоты посещаете, Лилия Семеновна?

– Мне пришлось. Завтра у подруги день рождения. Неудобно явиться на праздник не в форме. Извините, так пить хочется.

Куликов, помолчав, ответил:

– Тут кафешка одна есть. Можем зайти.

Это было крохотное полуподвальное помещение. Они заказали по бутылке кока-колы, и Куликов отлучился в туалет. Когда он вернулся, напитки уже были разлиты по длинным бокалам. Его внимание привлек крохотный голубой флакончик, притаившийся рядом с перечницей и солью.

– Что это у Вас такое необычное? Ароматизаторы какие? – спросил Куликов официанта, который подошел узнать, что они будут заказывать после аперитива.

– Не знаю, это не наше. Что будете...

– Ничего не надо больше, спасибо, – перебила официанта Сукурова и приступила к своей истории. Говорила она сбивчиво и неуверенно, как будто хотела покаяться в чем-то.

– Если Вы помните, Сергей Александрович, я упомянула, что у меня теперь все вечера свободные. Так вот это действительно не преувеличение. Но надо начать с начала. Дело в том, что у меня есть дочь – подросток. Я родила ее в восемнадцать лет. Нет, лучше начать с другого. Так уж сложилось, что с моим мужем у меня никогда не было сильной любви. Была, пожалуй, юношеская влюбленность, результатом которой и явилась моя беременность. Мы слишком рано соединили свои судьбы, не понимая по молодости, что являемся совершенно разными людьми. С самого первого дня нашего брака мы жили как кошка с собакой. Не скрою, у меня бывали легкие увлечения на стороне. А кто не грешен? Но год назад я повстречала одного человека. Вы его, наверное, знаете. Это Игорь Якунин. Он показался мне человеком широким, свободным и готовым все отдать за меня. И действительно так и вышло: Игорь из-за меня ушел от жены. Купил новую квартиру. Поверьте, на такие жертвы готовы не все мужчины. На меня это произвело большое впечатление, и я решилась оставить мужа и переехала к Якунину. Какое-то время я была абсолютно счастлива. Игорь боготворил меня. К тому же с ним как за каменной стеной.

Куликов вспомнил Якунина. Это был энергичный, плотный, сильно лысеющий человек лет сорока пяти. У него были крупные, немного одутловатые черты лица, сверлящий собеседника взгляд, большие, с огромными ногтями, руки. Он был значительно старше Куликова по служебной иерархии. И как она только живет с таким типом?

– Так вот, – продолжала Сукурова, – мы жили, как и вы, гражданским браком. Планировали расписаться как раз на днях. Но выяснилось, что моя несмышленная дочь его просто не переносит, а он, естественно, платит ей тем же. Можно ли его за это винить? Не знаю.

От всей этой истории у Куликова пересохло в горле, и он, залпом осушив свою кока-колу, поморщился.

– Что с Вами? Сергей Александрович? – с тревогой в голосе спросила Сукурова.

– Так, вкус какой-то странный, продолжайте, пожалуйста.

– Так вот. Когда полгода назад я решилась переехать к Якунину, моя дочь должна была какое-то время пожить с моим мужем в нашей квартире на шоссе Энтузиастов. Я думала, что мы – я, моя дочь Светлана и Игорь – будем видеться по субботам-воскресеньям, и их взаимная неприязнь скоро пройдет. Вы не поверите, как я жестоко ошибалась. Дочь наотрез отказалась с ним встречаться. Она отказалась даже говорить на эту тему. Тогда я стала разрываться между двумя домами, между, как еще недавно казалось, любимым мною человеком и своей дочерью. Я взяла за правило ночевать у себя дома с дочерью каждую вторую ночь. Поначалу все шло хорошо. Я же говорю: мы уже планировали расписаться. Но с недавнего времени Игоря стала буквально одолевать ревность к моему бывшему мужу Коле, который, естественно, продолжает жить в нашей старой квартире с нашей дочерью. Ах, какое это глупое чувство! Особенно в моем случае. Посудите сами: ведь, я ушла от мужа, фактически оставила дочь, и все ради него! Я пыталась это ему как могла объяснить. Но Игорь ничего не желал слушать. А позавчера, когда я ему сказала, что собираюсь следующей ночью, как обычно, провести на моей старой квартире с дочерью, он как с цепи сорвался. Закричал, чтобы я непременно возвращалась ночевать домой! Но подумайте сами: ездить через день из центра до конца шоссе Энтузиастов, а потом возвращаться в конец Алтуфьевского шоссе – это мало кому под силу! А он все кричал, что ему все равно, и что ему неизвестно, чем я там со своим бывшим мужем занимаюсь, и что мой дом здесь! И, значит, ночевать я обязана здесь. Здесь, орал он, тыкая пальцем в пол! А потом ударил меня по щеке! Вам, Сергей Александрович, наверное, даже сложно такое вообразить?

Я уверена, что Вы никогда не смогли бы ударить женщину, Вам, конечно, дико слышать всю эту грязь, но я уже... Ах, я уже и не знаю, где мой дом. Я просто хлопнула дверью и ушла. Я такого терпеть не могу – у меня тоже есть гордость. А он кричал мне вслед, что если я не приду домой ночевать, то могу больше не возвращаться. Но я не знаю, как мне быть? Подскажите, Сергей Александрович! Вы мудрый, благородный человек. Вы, я уверена, знаете ответы на все в жизни!

Они сидели наискосок друг от друга за крошечным столиком. Куликов в течение всего монолога смотрел в красивые, полные страдания глаза Сукуровой. Вместо ответа он привлек к себе ее податливую голову, и их губы слились в упоительном поцелуе. Это было то единственное, к чему он так стремился все последние дни. Он хотел целовать ее еще и еще. Хотел обладать ею, этой странной и великолепной женщиной.

– Поедем куда-нибудь, – шепнул он.

– Поехали, Сергей Александрович, – шепнула она в ответ.

Куликов попал домой глубоко за полночь. Лариса уже спала. Пока Сукурова была в душе, он по телефону наврал ей, что у него переговоры с крупным клиентом. Куликов лежал в кровати и думал о Сукуровой. Он отвез ее к дочери. Значит, она ушла от Якунина? Тот ведь, кажется, говорил ей, что если она еще раз не придет ночевать, то может больше не возвращаться. Когда Сукурова после того, как они вышли из гостиницы, попросила отвезти его на шоссе Энтузиастов, Куликов даже обрадовался. Теперь же он беспокойно ворочался с боку на бок. Не исключено, что она не стала возвращаться к Якунину из-за него, Куликова. Он оказался вовлеченным в запутанную жизнь своей заместительницы. Но нужно ли ему это было? На днях он собирался жениться на Ларисе, которая ждала от него ребенка. Все у них ясно, хорошо и спокойно. И зачем ему все эти проблемы, в общем-то, малознакомой ему женщины? В любви он ей не признавался, обязательств никаких на себя не брал. Ну да ладно, жизнь есть жизнь, справится она как-нибудь со своими проблемами. У нее своя жизнь, а у него, Куликова, своя.

Весь следующий рабочий день был ничем не примечателен. Сукурова к нему не заходила. И Куликов, опасавшийся возможных притязаний с ее стороны, подумал, что их короткий роман на этом можно считать законченным. Поначалу он даже обрадовался. Но чем больше он невольно наблюдал за Сукуровой через прозрачные стены своего кабинета, тем больше снова хотел ее.

Она зашла к нему только в самом конце рабочего дня. Аромат ее духов одурманивающе подействовал на него, и Куликову тут же показалось, что было бы низко без объяснений прекратить их роман, и что ему необходимо все же поговорить с ней на эту тему. Стараясь не встречаться глазами со своей подчиненной, Куликов приступил к повествованию о последних событиях своей жизни. Он говорил о том, как Лариса любит его, о том, что она ждет от него ребенка, и что, в этой связи, они решили пожениться. Говорил он сбивчиво, как будто стесняясь чего-то. Но в конце все же выдал из себя, что, как честный человек, которому нечего в создавшейся ситуации конкретного предложить Сукуровой, он, чтобы никоим образом не мешать ей своим присутствием, почел бы за благо вовсе удалиться из ее личной жизни. Ему это, конечно же, очень трудно и больно. Но что делать? Однако, чем дольше он говорил о необходимости их расставания, тем больше желал обратного, и тем невнятнее звучала его речь.

Сукурова же, покорно выслушав его, заговорила:

– Конечно же, Сергей Александрович. Вы, как всегда, совершенно правы. Вчера я, видно, совершила большую ошибку. На меня просто что-то нахлынуло необъяснимое. Должно быть, это все Ваш природный магнетизм, который мало кому дано преодолеть. Вот я и попала в его сети, как бабочка в паутину.

Куликов покраснел и даже сделал неопределенный жест рукой, но Сукурова продолжала:

– Да, Сергей Александрович, не спорьте. Вы просто многого о себе не знаете. Вы можете подчинять себе людей. У Вас все впереди. И Вы, конечно же, совершенно правы. У Вас семья. А я? Что я? Я пойду своей дорогой.

Все было кончено. И ему стало жаль Сукурову. Одинокая женщина доверилась ему. Она определенно страдала. Надо хотя бы подвезти ее напоследок.

– Давайте я подвезу Вас до дома, Лилия Семеновна, – сказал Куликов. Лариса как раз сегодня взяла отгул и не могла их случайно увидеть.

– Буду Вам благодарна за это, Сергей Александрович, – смиренно ответила Сукурова.

– Тогда я спускаюсь и жду Вас в машине.

– Хорошо.

Запах духов Сукуровой продолжал кружить Куликову голову, и, ожидая ее в машине, он подумал, что раз так складываются обстоятельства, то надо бы отвезти ее в гостиницу еще разок. И этот раз уж точно будет последним. Мысли о том, что он скоро сможет остаться с ней наедине, о ее доступности будоражили его все больше. А Сукурова все не появлялась. Наконец, спустя минут тридцать, когда в дверях показалась ее фигура, Куликов превратился в туго натянутую нить нетерпения. Но тут произошло нечто чудовищное. К самым дверям офиса подкатил большой черный автомобиль Якунина. Сукурова буднично открыла заднюю дверь и бросила туда свой портфель. Потом, как ни в чем не бывало, как будто Куликов и не ждал ее вовсе и не сгорал от страсти, она села на переднее сидение, и машина Якунина тронулась с места.

Целая палитра чувств утраты, унижения, оскорбленного мужского самолюбия, негодования обрушилась на Куликова. Руки его задрожали, горло перехватило. Сердце, разгоняя горячую кровь по телу, рвалось выпрыгнуть из груди наружу. Первобытный инстинкт овладел им. Он был на все готов, лишь бы сейчас же подчинить ее себе, заставить быть с ним. Не размышляя о последствиях, Куликов нажал на газ и погнался за ними. Когда он поравнялся с машиной Якунина, Сукурова, будто что-то почувствовав, повернула голову, и их взгляды встретились. Ее грустные любящие глаза были совсем близко, и они говорили ему: «Ну что я могу? Видишь, как все получилось».

На его счастье, в потоке их машина оторвалась от него. Чтобы он стал делать, если бы догнал Якунина? Останавливать, прижимать к тротуару? А что дальше? Кто он ей, кто она ему? Его поведение выглядело бы по меньшей мере странно. Но как, как она могла так поступить с ним? Ведь они же договорились, Куликов ждал ее! А она преспокойно, на его глазах, села в машину к другому! Как это возможно?! Так с ним обращаться! Это что – игра такая? Ну да ладно, он ей покажет, твари такой! Он ей покажет, что может прожить без нее. Не замечать ее присутствия вовсе! Как будто она пустое место! Она еще пожалеет. Она не знает, кого потеряла!

Ехать домой Куликову не хотелось, и он отправился на тренировку по карате. Этим видом спорта он занимался уже лет пять и достиг в нем определенного уровня мастерства. Тем вечером он бился в спарринге в состоянии полного иступления. То ему казалось, что перед ним Якунин, то сама Сукурова. В конце концов, Сэнсэй Петрович вынужден был остановить спарринг, а Куликов – принести извинения своему партнеру за неспортивное поведение.

Дома, лежа в постели, он долго не мог заснуть. Куликов вновь и вновь возвращался к ситуации. Обманывала ли она его, что ушла от Якунина? Он ведь не заставлял ее силой садиться в свою машину! Нет, она села туда по собственной воле, к этому отвратительному типу, который ко всему прочему еще и бьет ее. В его сознании начинали всплывать самые яркие и грязные картины их соития. В его ушах стояли ее стоны страсти, которыми она теперь одаривала другого. Тяжелая ревность душила его. И вдруг ему показалось, что он различил желанный образ Сукуровой, отразившийся в зеркале спальни. Куликов в тревоге посмотрел на спящую рядом Ларису. Потом перевел взгляд на зеркало. Но никого там больше не увидел.

Успокоился он только под утро, в очередной раз дав себе слово расстаться с этой странной особой. Пусть только придет к нему просить прощения!

Однако Сукурова ни о чем таком и не помышляла. Всю следующую неделю она обращалась только по делу и всегда только по телефону. А когда требовалось подписать какие-нибудь документы, то она посылала к нему кого-нибудь из своих подчиненных. Куликов весь извелся. Ему необходимо было получить от нее объяснения. Но он думал, что, заговорив с ней первым, тем самым только унижит себя. И он терпел, стиснув зубы. Она должна была заговорить первой! Он сильнее этой развратной гадины! Но дни сменяли друг друга, и жестокая правда, что она просто поиграла с ним и бросила как ненужную вещь, неумолимо открывалась перед ним.

Однажды Буренков позвонил Куликову и сказал:

– Слушай, Сергей. Ты бы посмотрел еще, чем там Сукурова занимается.

– А что такое?

– А ты что – не в курсе что ли? Она уже мне всю плешь с этой темой проела за последнюю неделю. Ну, тем более, разберись там. Расскажешь мне подробнее свое мнение.

Куликов был в ярости. Надо же, от этой твари всего можно ожидать! Вначале в доверие втерлась, а теперь опять через его голову к начальству полезла! Ну я ей покажу! Придя к себе, он набрал внутренний номер Сукуровой и рявкнул в трубку:

– Лилия Семеновна, зайдите ко мне!

– Я могу к Вам через десять минут зайти, Сергей Александрович? Мне кое-что закончить хотелось бы, – спросила Сукурова холодным тоном.

– Зайдите сейчас. Пока я еще Ваш начальник и лучше знаю, что важнее, – повысил голос Куликов.

– Хорошо, иду, Сергей Александрович, – ответила Сукурова, но появилась у него в кабинете только минут через десять. Эта ее задержка привела Куликова в еще большее негодование. Не успела она войти, он строго буркнул ей:

– Закройте дверь и садитесь!

– Хорошо, Сергей Александрович, – каким-то издевательски масляным голосом, с дерзкой улыбкой на столь желанных им устах, заговорила Сукурова.

– Вы, я вижу, чем-то недовольны, Сергей Александрович. Так Вам это ни к лицу, – она разговаривала так, как будто имела над ним некую силу, могла им управлять. И что было особенно неприятно, Куликов и сам осознавал это. И эту тварь он когда-то наивно жалел! Ну ладно, он покажет ей, кто здесь хозяин!

– Мне лучше знать, что мне к лицу, а что нет, – нервно заговорил Куликов. Но ее духи уже заполнили его небольшой кабинет. Голова его опять пошла кругом, как будто и не было этой недели, что они не виделись.

– Конечно, Сергей Александрович. Кому же, как ни Вам лучше это знать, – она смотрела на него в упор своими распутными глазами. Рот ее расплывался в порочной улыбке.

– Успокойтесь, Лилия Семеновна! – почти закричал Куликов.

– Я-то совершенно спокойна, Сергей Александрович, а вот Вы, по-моему, чем-то взволнованы. И, признаться, я не понимаю чем. Скажите, может быть, я смогу быть Вам чем-нибудь полезна.

Куликов наконец-то осознал всю нелепость положения. Он вызвал к себе подчиненную и без объяснения причин начал на нее кричать. В истинной причине своего раздражения ему не хотелось себе признаваться.

– Ладно, садитесь. Скажите лучше, какую еще тему Вы там Буренкову предлагаете? – взяв себя в руки, пробурчал Куликов.

– А, вот Вы о чем? – и Сукурова подробно изложила ему суть.

– А почему Вы ко мне не зашли вначале? Почему таскаетесь через мою голову к руководству? Меня в дурацкое положение ставите. Я, получается, не знаю, что у меня в отделе происходит, – зашипел Куликов.

– А Вы, Сергей Александрович, сами не знаете почему? – тон Сукуровой неожиданно поменялся. Во взгляде ее отразилась боль и мольба.

– Нет, сам не знаю.

– Все Вы знаете, Сергей Александрович. Прекрасно знаете, как мне тяжело дается общение с Вами. Знаете! Все знаете, только прикидываетесь. Поманили бедную Лилию Семеновну, надсмеялись, и что? Теперь, наверное, уволить хотите? Ну что ж, увольняйте. Я готова. Только голос на меня больше не надо повышать. Мне это от Вас терпеть особенно больно, – с горечью говорила Сукурова.

– За кого Вы меня принимаете... Я и не думал... Никто Вас увольнять не собирается... В коллективе Вас все ценят... – смешался Куликов.

– Да, ценят, кроме непосредственного начальника, который за всю неделю даже не нашел времени поинтересоваться, как у меня дела! – выдавила из себя Сукурова. В красивых глазах ее стояли слезы.

– Что Вы, Лилия Семеновна, успокойтесь. Вы же сами уехали со своим Якуниным. Сначала со мной договорились, а к нему в машину на моих глазах сели! Это как понимать? Это Вы считаете нормальным?

«Боже мой, в какое русло перешел разговор?» – мелькнуло в голове у Куликова, но было уже поздно. Перед его глазами были ее ноги, слегка прикрытые деловым костюмом. В глубоком вырезе пиджачка он явственно различал ее атласное белье. Куликов не поднимал голову выше, потому что боялся снова встретиться с ней взглядом.

– А то, что Вы со мной переспали и поехали к своей жене? Это Вы находите нормальным? Думаете, мне это не больно было?

– Но Вы же сказали, что он Вас бьет? Он же негодяй! Как можно рядом находиться с таким человеком?

– Ну что Вам до других, Сергей Александрович?

– Но я просто переживаю за Вас. Мне больно видеть, как умная, образованная, красивая женщина терпит такие унижения.

– Ну что ж теперь? Не всем же иметь таких благородных и чистых мужей, как Вы. Мне тоже очень досадно видеть некоторые проявления близких Вам людей. Я бы тоже такого себе никогда не позволила, будь я на их месте. Но что же делать? Я молчу.

– Каких еще людей?

– Ладно, не будем об этом лучше, я не хотела бы Вас попусту беспокоить. Это ведь так, просто люди говорят. Да и не мое это дело вовсе.

– Нет, уж скажите.

– Ну, если настаиваете. Сама я не видела, конечно, но сотрудники говорят, что Вашу Ларису встречают за обедом в нашей столовой в обществе Давыдова. Что ж теперь Вам с ней не жить из-за этого? Я когда такие злорадствующие разговоры слышу, сразу же их пресекаю. Люди должны своим делом заниматься, а не совать нос в чужой огород.

Куликов нахмурился.

– Зря я Вам сказала. Просто мне обидно за Вас стало. Прости, Сергей Александрович, слабую женщину. Это ничего не значащая мелочь, конечно, но мне стало досадно. Вы, человек такого высокого полета, заслуживаете лучшего. Вам хочется служить! А тут, что же получается...

– Что же Вы тогда неделю назад с Якуниным уехали?

– А что я могла?

– Как это «что могли»? Мы же договорились, что я Вас подвезу.

– Но Вы же сами мне все объяснили, Сергей Александрович, – смиренным тоном говорила Сукурова.

– Что я Вам объяснил, Лилия Семеновна?

– Объяснили, что нам встречаться ни к чему, что это может Вам повредить. А для меня, поверьте, вредить Вам – это последнее, что я хотела в этой жизни.

– Но мы же договорились! Я Вас ждал. Почему Вы уехали с Якуниным? Вы же расстались с ним. Вы сами говорили!

– Понимаете, Игорь импульсивный, но добрый и отходчивый человек. Меня он очень любит. После нашего с Вами разговора в тот день, когда Вы уже спустились к машине, я не могла найти себе места. Мне было очень тяжело. И тут он пришел прямо сюда в наш отдел. И сказал, что я его жена, и что он ждет меня. Что он дома бутылку шампанского по поводу моего возвращения приготовил. Знаете, такое внимание для слабой женщины очень многое значит. Что я могла ему сказать? Что я не поеду с ним, с человеком, который безгранично любит меня. И почему? Потому что я страстно хочу, чтобы меня увез, забрал с собой в неведомые края мой прямой женатый начальник? А пока он просто подвезет меня домой, к бывшему мужу? Вы ведь не такой доли хотели для меня, Сергей Александрович? – глаза Сукуровой снова увлажнились, а на лице ее отразилось страдание.

Теперь получалось, что Куликов своими собственными руками передал ее в грязные лапы этого типа! Получалось также, что это он заставляет страдать эту интересную, неординарную женщину, которая любит его. Куликов встал и в волнении заходил по кабинету. Он не знал, что ему сказать, как ему быть. Страсть переполняла его.

– Я хочу Вас, Лилия Семеновна! Я так больше не могу, – пробормотал он.

– Я тоже Вас хочу, Сергей Александрович.

– Поедем прямо сейчас!

– Я не могу, Сергей Александрович. После работы меня должен отвезти домой Игорь. Что я ему скажу?

– Скажите, зуб заболел.

– Нет, он очень, очень подозрительный. Он повезет меня к зубному сам.

– Что же делать? Когда же мы увидимся?

– Придется подождать до среды, Сергей Александрович. По средам Игорь навещает свою престарелую маму.

– Но я не хочу ждать среды!

– Ну, какой Вы, Сергей Александрович, нетерпеливый, – победно ухмыльнулась Сукурова и вышла из кабинета.

Лицо Куликова просветлело. Она любит его! Более того, он теперь точно знал, что тоже любит ее! Осознание этих простых истин привело его в состояние тихого блаженства. Он с улыбкой легкого сожаления смотрел на своих прилежно работающих коллег, и ему казалось, что в своей обыденности эти несчастные люди лишены чего-то главного, праздничного, того, что есть теперь у него, и из-за чего только и стоит жизнь.

Несколько дней подряд, которые отделяли его от заветной среды, Куликов зря не терял. Его неприятно удивила новость о том, что Лариса вместе обедает в их столовке со своим бывшим ухажером и его бывшим другом Давыдовым. Еще неприятнее в этой новости было то, что его личная жизнь, оказывалось, являлась достоянием общественности и, даже хуже того, злорадства в коллективе.

Большое помещение служебной столовой было отделено огромной прозрачной стеной от коридора, который являлся отличным пунктом наблюдения за обедающими служащими. Сам коридор вел из одного крыла здания в другое. Вот по этому коридору Куликов начал совершать ежедневные прогулки в обеденное время, зорко поглядывая на обедающих. Первые два дня он видел, как Лариса обедает с подругами. Но на третий день она действительно пришла обедать

с Давыдовым. Они о чем-то весело говорили и даже смеялись. А ведь когда Лариса уходила к нему от Давыдова, она пообещала больше с ним никогда не общаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.